

А.Я. Каковкин

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПРИТЧИ ИЗ “ПОВЕСТИ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ”*

Одним из источников, питавших творческую фантазию коптских ткачей на протяжении почти тысячи лет – с конца III века по XII век включительно, – были литературные произведения разных направлений и жанров.

К числу популярнейших памятников литературы средневековья по праву можно отнести повесть о пустынноике Варлааме и индийском царевиче Иоасафе. Она известна более чем на тридцати языках народов Азии, Европы и Африки¹. Эта повесть включает в себя несколько притч, самой известной из которых, пожалуй, является притча о человеке, преследуемом инорогом (в некоторых сборниках притча называется “О сладости мира”). В ней рассказывается о том, как некий человек, спасаясь от преследовавшего его бешеного инорога, падает в ров, но успевает схватиться за ветви дерева, влезает на него и начинает собирать медовые капли с его ветвей. Однако вскоре он замечает, что корни дерева, на котором он укрылся от инорога, подгрызают две мыши, черная и белая, а рядом с ними видны четыре змеиные головы и страшный дракон².

Каждый из образов этой притчи аллегоричен: инорог – образ смерти, вечно преследующий людей; ров – мир, полный бед и опасностей; дерево, подгрызаемое мышами, – жизнь, сменяемая сменой дня и ночи; мед – удовольствия, отвлекающие смертного человека от мысли о спасении; змеиные головы – четыре стихии, из которых состоит человеческое тело; дракон – чрево ада, пытающееся поглотить человека.

Суть притчи выражают и назидательные сентенции из некоторых Прологов, в них, в частности, можно прочитать: “Сего света человеком житие маловременно”, или другое, смысл которого можно свести к совету избегать греховных обольщений этого мира и тем обрести вечную жизнь³.

Эта притча, известная в мировой литературе во множестве вариантов, получила распространение и в художественных памятниках, довольно скоро став самостоятельным назидательным сюжетом, особенно частым в миниатюрной живописи⁴. Мне кажется, что есть возможность пополнить число художественных произведений с этим сюжетом еще одним очень интересным памятником.

Речь пойдет о коптской ткани, хранящейся в Лувре (инв. № X 4903). Она представляет собою небольшой (12 × 7 см) кусок льняного полотна желтоватого цвета с вотканной в него листовидной вставкой. Вставка украшена исполнен-

* В основу статьи лег доклад, прочитанный автором в Эрмитаже 24 апреля 1992 г. на научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк (Банковские чтения, 92).

¹ Этот памятник всесторонне рассмотрен в кн.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII веков / Подготовка текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой. Л., 1985.

² Повесть о Варлааме и Иоасафе... С. 160–161 (текст притчи). Примечательно, что на Западе очень близкую притчу и родственное толкование отдельных ее элементов приписывают св. Бернару Клервосскому (см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (exemplā XIII века). М., 1989. С. 95).

³ Повесть о Варлааме и Иоасафе... С. 75.

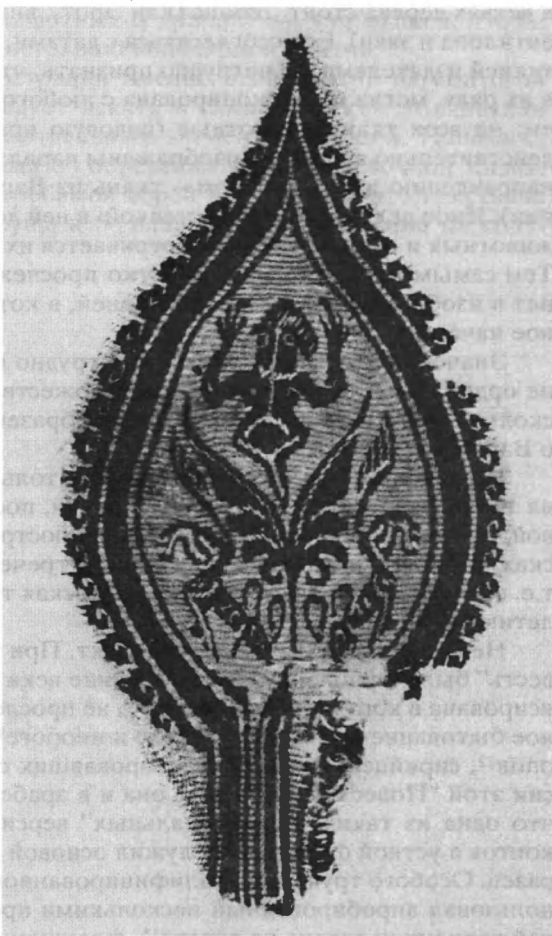
⁴ Там же. С. 60, 74, 75.

Рис. 1. Коптская ткань X в. с изображением притчи о Варлааме и Иоасафе.
Лувр

ным шерстяными нитями фиолетового цвета рисунком (см. рис. 1). Издавший памятник П. дю Бурге дал такое его описание: на вершине растения – человек с поднятыми руками, внизу, по сторонам – два каменных барана (bouquetins). По стилистическим и техническим данным он отнес ткань к X в.⁵

Принимая эту дату, я не могу согласиться с предлагаемой П. дю Бурге интерпретацией сцены, в частности, в разделе, касающемся животных. При том, что на интересующем меня памятнике, как на большинстве поздних коптских тканей, изображения очень стилизованы (и местами повреждены), все же надо обладать большой фантазией, чтобы в зверьках по сторонам дерева видеть баранов. Небольшие тельца, вытянутые мордочки, огромные уши, тонкие и длинные лапки и хвосты однозначно указывают на грызунов, а направленность их к основанию растения, долженствующего обозначать дерево, подсказывает, что это мыши. Если это так, то перед нами, вполне вероятно, изображен один из эпизодов притчи о человеке и инороге, а именно тот эпизод, когда человек замечает, что корни дерева, на которое он взобрался, подгрызают мыши. Естественна и его реакция – в отчаянии вскинутые вверх руки.

В допустимости моих предположений убеждает и следующее обстоятельство. Ткач, создавший луврский образец, воспользовался уже опробованным вариантом построения сцены. По литературе мне известно еще пять тканых памятников из Египта с очень близкими изображениями. Это две листовидные вставки: одна VI (?) в. из собрания Текстильного музея в Вашингтоне (инв. № 72.126)⁶, другая – VII–VIII вв. из частного собрания в Австрии⁷, две вставки – прямоугольница: ткань VI–VII вв. из собрания Немецкого текстильного музея в Крефельде (инв. № 12557 А–В)⁸ и ткань IX–X вв. в музее Рёмер-Пелицеуса в Хильдесгейме (инв. № 3073)⁹. Издатели в трех последних памятниках видят в этих очень схожих изображениях отражение дионисийской темы: по их мнению,

⁵ Bourguet P. Musée National du Louvre. Etoffes coptes. I. P., 1964. P. 359. G 44.

⁶ Trilling J. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300 to 600 A.D. Washington D.C., 1982. P. 55. N 38.

⁷ Bichler P. Antike koptische Textilien aus österreichischem Privatbesitz. Schallaburg, 1989. S. 29–30. Kat. N 16.

⁸ Jaques R. Textilkunst des frühen Christentums. Krefeld, 1963. Abb. 8.

⁹ Eggebrecht E. Spätantike und koptische Textilien. T. 1. Mainz/Rhein, 1978. S. 2,9–2,11.

в ветвях дерева стоит Дионис (или Эрот), внизу – пара животных (антилопы или антилопа и заяц). Если согласиться с датами, предлагаемыми для перечисленных тканей издателями, то нетрудно признать, что луврская вещь, как самая поздняя в их ряду, могла быть скопирована с любого из них. За одним лишь исключением: на всех тканях животные (видовую принадлежность которых определить действительно непросто) изображены параллельно друг другу (в трех случаях по направлению вверх, в одном – ткань из Вашингтона – во встречном направлении). Иное дело с луврской вставкой: в ней довольно четко “прочитывается” вид животных и однозначно просматривается их направление – к основанию дерева. Тем самым в луврской ткани четко прослеживается логика изображения, чего нет в изображениях остальных тканей, в которых явно превалирует декоративное начало.

Значение луврского экземпляра трудно переоценить. Этот скромный, вполне ординарный по техническим и художественным особенностям памятник, насколько мне известно, единственный образец ткачества с эпизодом из “Повести о Варлааме и Иоасафе”.

Но значение его не ограничивается только этим. Похоже, что изображение на ткани одно из ранних на тему притчи, поскольку по сведениям И.Н. Лебедевой, самым ранним на эту тему (вне иллюстрированных циклов в греческих списках “Повести”) является миниатюра в греческой Лондонской Псалтири 1066 г., т.е. середины XI в. (напомню, что луврская ткань отнесена П. дю Бурге к X столетию).

Не менее интересен и другой факт. При том, что, как уже отмечалось, “Повесть” была очень популярна в средние века (как и много позднее), она не зафиксирована в коптской литературе¹⁰, не прослеживается у коптов и самостоятельное бытование притчи о человеке и инороге¹¹. Вместе с тем, у их соседей – эфиопов¹², сирийцев, тесно контактировавших с коптами армян¹³ существуют версии этой “Повести”. Бытовала она и в арабской среде¹⁴. Можно предположить, что одна из таких “ненациональных” версий, или вариант, существовавший у коптов в устной форме, и послужил основой для ткача, создавшего луврский образец. Особого труда для квалифицированного мастера это не составляло: он использовал апробированный несколькими предшествующими поколениями ткачей вариант человека на дереве¹⁵, фланкируемым двумя животными. Ему толь-

¹⁰ В этой связи любопытно отметить, что ряд исследователей “Повести” (А.И. Киричников, Х. Зотенберг, П. Майер и др.) предполагают местом ее создания – Египет, расходясь только во времени ее появления: конец VI–VII вв., “не ранее VIII в.” (см.: Повесть о Варлааме и Иоасафе... С. 14–15).

¹¹ Хотя изображения инорога встречаются в коптских памятниках изобразительного искусства, например, в 17-й часовне Бауйта (*Clédât J. Le monastère et la nécropole de Baouïte. P., 1901. Pl. LI, LII. P. 79; Cruneisen W. de. Les caractéristiques de l'art copte. Florence, 1922. P. 55*). Оба автора почему-то называют его “газелью”; в одном из помещений Келлии (*Les Kellia. Ermitages coptes en Basse-Egypte. Genève, 1989. P. 77. Fig. 67*). Росписи, по-видимому, относятся к VII в. Любопытно, что в Бауйте инорог изображен стреноженным, а в Келлии с изогнутым вперед рогом. Животные с одним рогом нередки в коптской скульптуре и в тканях.

¹² Тураев Б.А. К эфиопской версии повести о Варлааме и Иоасафе // *Христианский Восток. СПб., 1912. Т. I. Вып. 1. С. 50–60*. Позднее живописное воплощение одной из эфиопских версий легенд (в том числе и притчи о мышах и инороге) см.: *Анйалов Д.Б., Тураев Б.А. Произведения абиссинской живописи, собранные д-ром А.И. Кохановским // Христианский Восток. СПб., 1913. Т. II. Вып. 2. С. 205–206, 210–211. Табл. XVIII, 19*.

¹³ *Каковкин А.Я. Армяне в средневековом Египте (к вопросу о культурных связях армян и египтян) // Ист.-филологич. журнал АН Армении. Ереван, 1982. № 1. С. 150–158*.

¹⁴ Повесть о Варлааме пустынноике и Иоасафе царевиче индийском. Пер. с араб. акад. Б.Р. Розена / Под ред. и с введ., акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1947.

¹⁵ Мотив человека (часто это женщина) в ветвях растений нередок в коптском ткачестве (см. ткань Британского музея, инв. № 21791 – *Start L.E. Coptic cloths // Notes from Bankfield Museum. Second series. N 4. 1914. Fig. 16. P. 16–17*; или эрмитажную ткань, инв. № 11573 – *Матье М.Э., Лянунова К.С. Художественные ткани коптского Египта. М.; Л., 1951. С. 112. № 34. Табл. XXVIII, 3*) и воспринят, вероятно, от древнеегипетских изображений богини Нут в ветвях сикоморы.

ко пришлось изменить положение животных и придать им вид мышей, чтобы получить без труда узнаваемую иллюстрацию популярной притчи.

Чем объяснить появление иллюстраций именно этой притчи на коптской ткани? Ключ, как мне кажется, следует искать в символическом толковании притчи в целом и составляющих ее отдельных элементов-образов. Напомню, что толкования эти сводились к мысли об обретении человеком вечной жизни. Эта же мысль, подкрепляемая неистребимой верой людей (будь это христиане или мусульмане) в бессмертие, присуща и большинству изображений на коптских тканях¹⁶.

¹⁶ *Каковкин А.Я.* Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Сб. статей. Л., 1986. С. 37–66; *Beyond the Pharaohs. Egypt and the Copts in the 2nd to 7th Centuries A.D.* / Ed. by F.D. Friedman. Museum of Art. Rhode Island School of Design, 1989. P. 65–72.